

ПЬЕР БУАСЬЕ

Делегат
Международного Комитета
Красного Креста

Первые годы Красного Креста

Речь, произнесенная в Большом зале
Женевского университета
18 февраля 1963 года
по случаю 100-летия
Международного Комитета Красного Креста



Выдержка из
International Review of the Red Cross
GENEVA, MARCH 1963

ПЕРВЫЕ ГОДЫ КРАСНОГО КРЕСТА

Русские говорят: «Со своим самоваром в Тулу не ездят», потому что там их делают. Англичане избегают возить уголь в Ньюкасл. Голландцы тоже не поедут в Гоуду с глиняной трубкой. Говорить о Красном Кресте перед такой аудиторией, как эта, состоящей из верных друзей Международного Комитета и видных деятелей организации, все равно что бросить вызов всемирному совету старейшин. В такой сложной ситуации у меня есть только один выход, а именно, уйти как можно глубже в далекое прошлое. К счастью, столетний юбилей, который мы сегодня отмечаем, дает мне повод именно так и сделать. Фактически сто лет и один день тому назад пятеро джентльменов, настолько разных, насколько это возможно, впервые встретились друг с другом.

Разрешите назвать в первую очередь имя старого генерала Гийома Анри Дюфура, одержавшего победу над Зундербундом, почитаемого во всей Европе стратега. Преуспевший в точных науках, он соединял в себе точность мысли и лучшие душевные качества. Он председательствовал на этой небольшой встрече.

Рядом с ним сидел Анри Дюнан — самый молодой из присутствовавших. Он говорил страстно, и ему завороженно внимали, потому что трудно было не поддаться его обаянию. Возможно, однако, он был склонен позволять своему воображению далеко уводить себя.

Далее, там был Гюстав Муанье, «профессиональный» филантроп. Председатель женевского Общества поощрения общественного блага и множества других благотворительных комитетов. Его интересовали школы, тюрьмы, сироты, проблемы алкоголизма, урбанизм... Он всегда выказывал большую ясность ума и незаурядные организаторские способности.

В беседе принимали участие два врача. Д-р Луис Аппиа был страстно увлечен военной хирургией. В 1848 г., в разгар революционных движений, ему уже приходилось заниматься ранеными. В 1859 г., во время войны Наполеона III против Австрии, он спешно отправляется в военные госпитали на север Италии. Им написана небольшая работа, озаглавленная «Хирург полевого госпиталя». Друзья отзывались о нем как о человеке, погруженном в байроновскую меланхолию, говорили также, что он был дамский угодник.

Д-р Теодор Монуар, замечательный хирург, славился тактичностью и веселым нравом. Многочисленные пациенты любили его как друга.

Эти пятеро основателей Движения зажгли светильник, несомненно более чудесный, чем лампа Алладина, — ведь из него вышли сразу два великана.

Первый — это Красный Крест и его девяносто национальных обществ, которые сегодня объединяют более 157 млн. членов.

Второй великан из лампы «Комитета пяти» — бумажный великан. Его руки и ноги — Женевские конвенции, но он так же силен, как и его собрат из плоти и крови. Невозможно сказать, сколько тысяч и миллионов людей спас он от смерти.

Самой первой из конвенций была Конвенция об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны, подписанная в Женеве 22 августа 1864 г.

Именно на эту Конвенцию я хотел бы обратить ваше внимание. Мы подробно рассмотрим ее положения, с тем чтобы выяснить, чем обусловлено появление каждого из них. Мы обратимся к этой Конвенции, как к хрустальному шару, но не с тем чтобы узнать будущее, а с тем чтобы вызвать в памяти события, которые ей предшествовали. Но давайте начнем с ее чтения. Это не займет много времени, так как в Конвенции всего десять статей...

Нет, дамы и господа, я не стану ее вам зачитывать. Я, наконец, не могу. Я, кажется, ошибался, когда говорил о хрустальном шаре. Текст расплывается перед глазами, слова разбегаются, и взору открываются картины прошлого. Чу! Вот небольшой экипаж мчится во весь опор, по всей видимости приводя кучера в чрезвычайное смятение, так как он обращается с возгласом: «Мсье Дюнан! Мсье Дюнан, мне страшно!» — «Вам страшно, мой друг, ну что ж, давайте сюда поводья

и кнут, потому что мы поедem еще быстрее». Смотрите, вот какой-то городок. Я могу разобрать его название: «Кастильоне». Что за странное место! Улицы и площади переполнены истекающими кровью ранеными солдатами. В этом городе больше лежащих, чем стоящих. Дюнан останавливается пораженный, не в силах вымолвить слова. Он спрашивает людей и выясняет: только что недалеко отсюда, в Сольферино, завершилась большая битва. Теперь он понимает, почему он слышал ружейные выстрелы. Он поднимается на холм и подходит к церкви Кьеза Мадджоре. И здесь повсюду раненые. Кровь струилась по дну канавы вдоль дороги в течение многих дней. Сгустились сумерки, но тропическая жара не спадала, в воздухе жужжали тучи мух, которые облепливали открытые раны черными пятнами. Церковь была переполнена. Отовсюду доносились возгласы: «Воды!» «Доктора!» «Сестру!» Но, увы, они работали в другой церкви, в Сан-Луиджи, а здесь на 9 тыс. раненых приходилось всего шесть докторов, что было равнозначно полному их отсутствию. Дюнан появлялся то тут, тот там, носил воду, промывал раны. Ему приходилось слышать последние, предсмертные слова раненых. Часто он слышал: «О, мсье, мы хорошо сражались, а теперь нас бросили...» Проведя в этом аду несколько дней, Дюнан был глубоко потрясен и изможден. Он возвратился в Швейцарию и провел некоторое время в горах, чтобы прийти в себя.

Как только ему это удалось, он вернулся в Париж, где его ждали дела, но картины, свидетелем которых он стал в Кастильоне, преследовали и мучили его. Прошло два года, но он был не в силах забыть их и не мог более молчать. Дюнан вернулся в Женеву, заперся в своей комнате и взялся за перо. Он написал необыкновенную книгу: «Воспоминание о Сольферино».

«Она сильнее, — говорил Гонкур, — в тысячу раз сильнее Гомера, прекраснее «Отступления десяти тысяч», прекраснее всех. Прочитав эту книгу, начинаешь проклинать войну».

Именно этого Дюнан желал прежде всего и главным образом. Вот почему он дерзнул пролить свет на то, о чем было принято молчать. Он показал обратную сторону медали, ужасы полей сражений и, самое главное, чудовищное безразличие по отношению к тем, кто пролил свою кровь, а взамен не получил и стакана воды.

Далее Дюнан рассказывает, что не один он оказывал

помощь раненым в Кастильоне. Случай привел сюда и других людей, которые вместе с ним, не раздумывая, бросились помогать раненым: молодого швейцарца по имени Сюшар, бельгийца, старого французского морского офицера, а также нескольких британцев и американцев. «Но, — восклицает Дюнан, — сколь ценным было бы присутствие в этих городах Ломбардии сотни добровольцев, опытных и квалифицированных санитаров и медицинских сестер!»

Здесь уже вырисовывается великая идея Дюнана. И несколькими страницами ниже он продолжает: «Нельзя ли еще в мирное и спокойное время сформировать общества помощи, целью которых было бы обеспечение ухода за ранеными в военное время преданными делу и высококвалифицированным добровольцами?» В этих немногих строках заложено зерно, из которого выросло целое учреждение — Красный Крест.

Победившая на поле боя французская армия подбирала и свозила в Кастильоне раненых австрийцев. Как же о них заботились? Он утверждает, что о раненых неприятеля заботились наравне с французскими ранеными. Он особенно это подчеркивает. Девять раз в рассказе упоминаются раненые австрийцы, и всякий раз говорится, что с ними обращались, как с ранеными французами, если не лучше. Он замечает, однако, что страдали они иногда больше, но и объясняет причину этого. Ведь они не понимали язык тех, кто оказывал им помощь, кроме того, поражение усугубляло их подавленное состояние и горе. Запомните эти наблюдения. Одни они, вопреки расхожему мнению, уже говорят о том, что главной целью будущей Женевской конвенции отнюдь не будет вменить армиям в обязанность заботу о раненом противнике наравне со своими ранеными. Зачем требовать того, что и так уже принято?

Далее Дюнан говорит об отношении гражданского населения, которое было совсем не таким, как у армии, и описывает в этой связи довольно характерную ситуацию. Несколько французских солдат вели группу австрийских пленных на окраине Кастильоне. Тут же прошел слух, что австрийская армия возвращается. Через несколько минут французские флаги, вывешенные в окнах домов, были повсюду сорваны и уничтожены. Раненых французов, которых до этого приютили, выбросили на улицу. Ведь в случае повторной оккупации города австрийцами потребовалось бы искать их расположения.

После многих трудностей Дюнану наконец удалось добиться помощи небольшой группы милосердных женщин. Ему пришлось уговаривать их заботиться обо всех раненых без различия, и победа была им одержана, когда они стали повторять: «Tutti fratelli, tutti fratelli»¹.

Одно из последних наблюдений Дюнана связано с австрийскими хирургами. В ходе своего триумфального марша французская армия захватила лазареты противника. Работающие там хирурги тут же были взяты в плен и лишены свободы. И в то самое время, когда Кастильоне был переполнен ранеными обеих армий, умирающими из-за недостатка медицинской помощи, квалифицированные специалисты были лишены возможности действовать и не могли перебинтовать ни одной, даже самой легкой, раны. Это возмутило Дюнана более всего, и он потребовал, чтобы австрийских хирургов немедленно освободили из лагеря, с тем чтобы они могли позаботиться о раненых соотечественниках.

Вот здесь мы подходим ко второму умозаключению Дюнана. Он надеялся, что военный конгресс «сформулирует некий международный принцип, закрепленный обязательной для выполнения конвенцией, которая, будучи принята, станет основой для деятельности обществ помощи раненым». Дюнан не указывает предмет такого соглашения. Интуиция, недостатка в которой он не испытывал, подсказала ему эти строки. Однако не хватало еще чего-то, что придало бы его мысли более конкретную форму.

*

«Воспоминание о Сольферино» вышло в ноябре 1862 г. Спустя несколько недель Дюнан принял у себя гостя. Человек, которому Дюнан открыл дверь, был ему незнаком. Довольно молод, но одет строго. У него высокий лоб, орлиный нос и пронизательный взгляд. Его подбородок был тщательно выбрит, но он носил густые усы, резко прочертившие лицо. Гость был немногословен. В нем сразу угадывался человек действия, который пришел не для праздной беседы. Этим гостем был Гюстав Муанье. Он прочел книгу Дюнана и был потрясен

¹ «Все братья, все братья» — итал. (Прим. переводчика)

абсурдностью ситуации, когда множество раненых оказалось обречено на смерть в результате простой неорганизованности. Он чувствовал правоту Дюнана. Необходимо было что-то предпринять, но что? За ответом на этот вопрос он и пришел. К его великому удивлению, он не получил ожидаемых подробностей. Дюнан, написав книгу, казалось, ничего более и не желал. Он вскрыл порок и указал средство борьбы с ним. Следующее слово было за великими державами. Такое отношение было глубоко чуждо Муанье, и он вовлек Дюнана в деятельность. Он тут же предложил обсудить книгу «*Воспоминание о Сольферино*» в Обществе поощрения общественного блага.

По правде говоря, у Муанье были некоторые сомнения насчет успеха предприняемого им шага. Общество поощрения общественного блага обычно действовало исключительно на местном уровне и никогда не распространяло сферу своей деятельности за пределы республики. Он чувствовал, что может получить отказ, мотивированный тем, что данный вопрос лежит вне компетенции Общества, и поэтому принял некоторые меры предосторожности. При созыве собрания Общества поощрения общественного блага, которое проходило в зале казино 9 февраля 1863 г., он позаботился о том, чтобы включить в повестку дня вопрос о «придании воюющим армиям добровольческих формирований сестер милосердия» между обсуждением двух других, более привычных предметов: публикации популярного издания французских классиков и вопроса об основании сельскохозяйственной колонии для малолетних преступников.

В день заседания Муанье вел себя как опытный тактик. Он зачитал несколько отрывков из «*Воспоминания о Сольферино*», показав, как раненые были брошены на произвол судьбы, и сколь необходимо было прийти им на помощь. Но, чтобы не пугать коллег, он тут же добавил, что такого рода предприятие — не для Общества поощрения общественного блага. В Берлине в ноябре должен проходить конгресс благотворительных организаций, он и мог бы заняться этим вопросом. Следовало направить конгрессу подробное официальное письмо, в котором ясно доказывалась бы необходимость создания таких обществ помощи. Вот поэтому Муанье и предложил коллегам назначить небольшой комитет, который бы проделал эту работу. Сказано — сделано. Генерал Дюфур, Муанье,

Дюнан, д-р Аппиа и д-р Монуар вошли в этот комитет. Таким образом, Общество поощрения общественного блага создало, не подозревая об этом, Международный Комитет Красного Креста.

Общество поощрения общественного блага существует и сегодня. Его президент оказал нам честь и присутствует сегодня на лекции, и меня попросили от лица Международного Комитета передать ему и его уважаемым коллегам наилучшие пожелания.

Спустя несколько дней после создания Комитета, 17 февраля, пятеро его членов впервые собрались вместе. Эта встреча, о которой я недавно говорил, и знаменует собой возникновение Международного Комитета. Именно это событие, столь неприметное внешне, но имевшее столь значительные последствия, мы сегодня отмечаем.

В ходе этой первой встречи Дюнан напомнил пожелание, выраженное им в «*Воспоминании о Сольферино*», о том, чтобы, как записано в протоколе, «цивилизованные Державы подписались под неким нерушимым международным принципом, соблюдение которого гарантировалось бы и освящалось неким межправительственным конкордатом». Видно, что у Дюнана сложилось еще не вполне четкое представление по данному вопросу, — даже, пожалуй, совсем нечеткое, судя по тому, что его коллеги ничуть этим не заинтересовались. Что их заинтересовало, так это функции, которые будущим обществам помощи предстоит выполнять, и они выразили пожелание подробно обрисовать их на предстоящем конгрессе в Берлине. Генерал Дюфур говорил о том, что нужны добровольные помощники, которые будут находиться в распоряжении генеральных штабов. Они не будут подменять собой военно-хозяйственные управления или военных санитаров. Он также добавил, что имело бы смысл ввести для них эмблему, форму или нарукавную повязку, с тем чтобы обладатели таких отличительных и общепринятых знаков пользовались соответствующим признанием.

Месяцем позже, во время второго собрания Комитета, эти идеи были сформулированы. Д-р Монуар свел их к трем предложениям:

- 1) Комитет и его делегаты должны получить официальное признание и одобрение властей.

- 2) Добровольные формирования братьев милосердия должны находиться под юрисдикцией военных властей и с началом любой кампании действовать в строгом соответствии с установленной дисциплиной.
- 3) Формирование должно состоять из вспомогательного персонала, который будет оставаться в тылу армии; он не будет причинять никакого неудобства, создавать помехи или чего-либо стоить действующим армиям. Выражаясь кратко, добровольные помощники не потребуют издержек и смогут быть задействованы или распущены в любое время по необходимости.

К третьему собранию появились неожиданные новости. Стало известно, что конгресс в Берлине не состоится. Тем не менее члены Комитета не ограничились одними сожалениями. Напротив, Муанье выдвинул смелый план. Не важно, что берлинский конгресс не состоится. «Мы сами созовем конференцию,— заявил он.— Мы обратимся к государствам с просьбой направить в Женеву своих делегатов и специалистов по военным проблемам и посмотрим, сочтут ли они, что добровольные общества помощи смогут принести пользу и быть признаны военными властями». Муанье и Дюнану было поручено составить проект соглашения, они же, как свидетельствует протокол заседания, были назначены ответственными за распространение проекта во всех странах Европы.

В ходе этой встречи Дюнан объявил коллегам, что хотел бы отправиться в Берлин, где должна была состояться конференция по статистике. Часть конференции будет посвящена военным вопросам, и в ней будут принимать участие офицеры и доктора. Дюнан был убежден, что ему удастся донести до участников идеи Комитета и что некоторые из них приедут на запланированную конференцию.

Мысль о поездке в Берлин Дюнану подсказало недавно полученное им письмо от голландского военврача Бастинга. Бастинг прочитал «*Воспоминание о Сольферино*», был потрясен книгой и немедленно перевел ее на нидерландский язык. Он очень хотел встретиться с человеком, которому пришла в голову мысль о создании обществ помощи раненым, и предлагал вместе поехать в Берлин.

Эта поездка имела колоссальное значение, и поэтому давайте последуем за Дюнаном. Он нашел Бастинга в небольшой

берлинской гостинице, носящей всем нам известное имя: «Отель Топфер». Оба деятеля сразу же нашли общий язык. Их объединяла одна вера и энтузиазм. Их страстные речи открывали перед Дюнаном абсолютно новые горизонты, потому что Бастинг знал, что такое война, намного лучше Дюнана и говорил о вещах, которые были совершенно неизвестны Дюнану.

Для большей ясности давайте представим себе такую картину: две армии ведут битву. Победа близка. Одна армия наступает, другая — отступает. Что происходит в рядах последней? Что ожидает хирургов и санитаров вынужденной отступить армии? Дюнан, побывавший на территории, находящейся под контролем победившей армии, не знал. Продолжим. Есть три возможности. Командование армии может приказать в срочном порядке свернуть полевые госпитали, лазареты и медицинские пункты. В этом случае раненые и медицинский персонал не попадут в руки противника. Это — наихудшее решение, принимаемое реже всего, так как в большинстве случаев раненых невозможно транспортировать. Многие из них умерли бы в пути. Кроме того, обычно не хватает необходимого оборудования.

Другое возможное решение состоит в том, чтобы оставить раненых с обслуживающим их медицинским персоналом на месте. Это — тоже не лучшее решение, так как обычно хирурги и санитары лишались свободы, как только появлялась победоносная армия. Раненые больше не увидят их, а терпящая поражение армия лишится своих санитаров и хирургов, которые снова будут крайне необходимы в ходе предстоящего боя. Вот почему — и это третье возможное решение — хирургам и санитарам приказывают вообще покинуть раненых и отступить вместе с армией. В любом случае это — наиболее мудрое решение, и именно такое решение чаще всего и принимается.

И тут Дюнана осенило. Международный нерушимый принцип, подлежащий закреплению в конкордате, о котором Дюнан говорил такими расплывчатыми формулировками, вдруг приобрел новое значение. Государства должны договориться о наделении медицинского персонала особым статусом. Хирурги и санитары более не должны рассматриваться как комбатанты. Будучи захвачены побеждающей армией, они не могут быть лишены свободы, а должны быть возвращены в армию, к которой принадлежат. Таким образом, они смогут

продолжать служить и спасать человеческие жизни. Вот оно и решение.

Возбужденные, Дюнан и Бастинг лихорадочно готовят свое завтрашнее выступление на конференции по статистике. Они не ограничатся предложением о создании обществ помощи, они предложат подписать конвенцию между государствами, которые согласятся предоставить медицинскому персоналу такой новый статус, который они назвали *нейтральным*. Итак, командирам отступающей армии больше не придется отдавать докторам страшный приказ об оставлении раненых. Напротив, они скажут им: «Оставайтесь с ранеными! Вы будете захвачены противником, но это не будет иметь никаких последствий, так как вас отпустят и вернут в вашу армию к вашей работе».

К утру, после целой ночи работы, текст был готов. Бастинг и Дюнан вскочили в экипаж и, взволнованные, поехали на конференцию. По дороге Дюнан спешно перечитывал свои записи, как вдруг порыв ветра унес драгоценные страницы, и именно в ту минуту, когда экипаж пересекал реку Шпрее. От падения в воду страницы уберег нищий, поймавший и вернувший их авторам. Его щедро отблагодарили. Возможно, он спас будущую Женевскую конвенцию.

Выступление Дюнана имело большой успех. Обе его идеи вызвали всеобщее одобрение, и он покидал конференцию со слезами радости на глазах. Дюнан и Бастинг тут же снова принялись за дело. Они разработали дополнение к составленному Международным Комитетом приглашению на Международную конференцию, которая должна была состояться в октябре в Женеве. Закончив, они побежали в типографию, и к утру следующего дня этот циркуляр был разослан во все столицы.

Дюнан оставался в Берлине еще несколько дней и имел несколько полезных бесед. Он встретился с военным министром фон Рооном, который стал первым официальным лицом, одоббившим идею международной конвенции, придающей медицинскому персоналу нейтральный статус.

В продолжение своего путешествия Дюнан направляется в Дрезден, где его принимает король Саксонии, затем в Вену, где встречается с эрцгерцогом Райнером, и наконец в Мюнхен, где состоялась встреча с генералом Франком, военным министром Баварии. Дюнан говорил с такой убежденностью, что все его слушатели поверили в эту идею и обещали послать представителя на предстоящую конференцию.

Затем Дюнан возвращается в Женеву, однако испытывает

некоторую тревогу. Дело в том, что циркуляр, разосланный из Берлина от имени Международного Комитета, он написал, не посоветовавшись с коллегами. Фактически он от их имени выбрал совершенно новый путь развития. Это было, по крайней мере, дерзко. Как его встретят? Реакция не заставила себя долго ждать. «Ну,— спросил он Муанье,— что ты думаешь о моей идее просить статуса нейтральности?» Муанье ответил сухо: «Мы полагаем, что ты просил невозможного».

И вот настал великий день. Утром 26 октября 1863 г. пятеро членов Международного Комитета отправились в Пале де л'Атене, который был предоставлен для проведения конференции г-жой Эйнар. Позднее Муанье вспоминал, каково было их душевное состояние. Никогда еще они себя не чувствовали такими маленькими и слабыми перед лицом той грандиозной цели, которую они перед собой поставили, и трудности на этом пути, казалось, росли по мере приближения к ней. Кроме того, их весьма заботил вопрос о составе участников, с которыми им придется иметь дело. Не было ничего известно ни о количестве, ни о положении будущих участников, и эта неопределенность усугубляла их опасения. Муанье дает следующий меткий комментарий: «Члены комитета, надеясь на приток участников, исполненных духом практической деятельности и обладающих специальными знаниями, в не меньшей мере опасались наплыва толпы, которая станет забалтывать вопросы, ограничиваясь поверхностным взглядом, и упражняться в гуманитарной фразеологии». Но, едва переступив порог Пале де л'Атене, они почувствовали, что добились «оглушительного успеха». Тридцать один человек отозвался на их призыв, что полностью оправдало надежды Муанье. На конференции присутствовали делегаты из шестнадцати стран и четырех филантропических организаций. С ними можно было многое сделать.

Первым выступил генерал Дюфур. Напомнив о сути обсуждаемого конференцией вопроса, он уступил председательское место Муанье, который мастерски руководил обсуждением. Не всегда это было просто. Делегат от Пруссии д-р Лоффлер, а следом за ним и делегат от Испании д-р Ланда одобрили создание добровольных обществ по оказанию помощи. Но англичанин Резерфорд придерживался противоположного мнения: он считал, что благотворительные общества — плохое средство в борьбе со злом, которое они пытаются

искоренить. Забота о раненых должна быть делом правительств, и только правительств. Если сил медицинской службы недостаточно, она должна быть укреплена, но не может быть и речи об использовании гражданских лиц. Затем выступили французские делегаты, младший интендант де Преваль и д-р Будье. Они подвергли планы Комитета еще более резким нападкам. Они протестовали против вмешательства в дела военно-хозяйственного управления. В какой-то момент показалось, что дела Международного Комитета плохи. Но д-р Монуар спас положение. С большой теплотой он защищал раненых и с юмором опроверг аргументы тех, кто опасался назойливого вмешательства врачей и братьев милосердия. Участники конференции согласились с выдвинутыми предложениями и единогласно приняли несколько *резолуций*.

В каждой стране должен действовать Комитет, в круг обязанностей которого — в военное время и по мере необходимости — будет входить содействие военно-медицинским службам всеми имеющимися в их распоряжении средствами. (...)

В военное время Комитеты воюющих держав предоставляют помощь своим армиям, насколько позволяют их средства; в частности, они организуют добровольный персонал и обеспечивают его готовность, а также, по согласованию с военными властями, предоставляют помещения, необходимые для ухода за ранеными. (...)

Добровольный медицинский персонал во всех странах в качестве единого отличительного знака должен носить белую нарукавную повязку с красным крестом.

Эти резолюции, наиболее важные из которых я только что процитировал, составляют основополагающую хартию Красного Креста. Они стали той основой, на которой суждено было постепенно вырасти национальным обществам помощи раненым воинам. Вот почему октябрьская Конференция 1863 г., столетие которой будет отмечаться этой осенью в Женеве и во всем мире, знаменует собой основание Красного Креста.

Приняв эти резолюции, Международный Комитет, за исключением Дюнанна, счел, что на этом функции Конференции исчерпаны. Но д-р Бастинг, представитель Голландии, предложил продолжить, рассмотрев вопрос, поднимаемый в берлинском циркуляре. Каково же было его удивление, когда он услышал слова Муанье о том, что женевский Комитет не предполагал обсуждения вопроса о нейтральном статусе меди-

цинского персонала. Бастинг не скрывал своего возмущения. «Я боюсь,— сказал он,— что уважаемый женевский Комитет не до конца понял, для чего здесь собрались делегаты Конференции. Военный министр Нидерландов сказал мне, что его прежде всего интересует именно берлинское предложение». Муанье ничего не оставалось, как уступить столь настойчивым требованиям, и, к его весьма великому удивлению, Конференция изменила направление. Энтузиазм охватил делегатов, и вопрос о придании нейтрального статуса медицинскому персоналу встретил такое одобрение, что к резолюциям было добавлено три рекомендации, главная из которых следующая:

О том, чтобы в военное время воюющие Державы провозгласили нейтральный статус полевых лазаретов и военных госпиталей, и чтобы нейтральный статус был, соответственно, полностью и абсолютно признан в отношении официального медицинского персонала, добровольного медицинского персонала, жителей страны, которые занимаются оказанием помощи раненым, а также в отношении самих раненых.

Конференция завершилась двойным триумфом. Бастинг обратился к собранию со следующими словами: «Предлагаю Конференции заявить, что г-н Анри Дюнан, своими упорными действиями положивший начало международному изучению средств оказания эффективной помощи раненым на поле боя, а также Общество поощрения общественного блага — своей поддержкой благородных идей, выразителем коих явился А. Дюнан, оказали человечеству великую услугу и заслужили этим всеобщее признание». Все собрание встало, сознавая себя частицей этого вклада, и долго и шумно аплодировало. Пришло время расставаться, и тут делегаты обратились к Муанье. «Помню,— писал он позднее,— и никогда не забуду окончание Конференции 1863 г., когда после заключительного слова участники покинули свои места и толпились у председательского места, которое я занимал, тянулись ко мне, пытаясь ухватить меня за руку, пожимали ее с невыразимым чувством. Каждый, взглядываясь в будущее, верил в действительность только что принятых решений и чувствовал, что будущее готовило нам великие дела».

Двадцать восемь лет спустя Муанье, все также Президент Международного Комитета, вспоминал о возникновении Красного Креста и рассказывал об этих событиях своим младшим коллегам, которым не довелось быть их свидетелями:

Мсье Дюнан тогда, охваченный необыкновенным энтузиазмом, делал все для того, чтобы встреча удалась. Он разъезжал, особенно по Франции и Германии, пытаясь добиться поддержки правительств. И в большой степени именно благодаря предпринятым им действиям в Женеве в октябре 1863 г. собралось столько высокопоставленных официальных делегатов.

Следует помнить, как в сентябре, будучи в Берлине, Дюнан отпечатал по собственной инициативе, но «от лица Женевского Комитета», дополнение к программе, разработанной его коллегами для конференции, которая должна была состояться в Женеве. Это дополнение содержало предложения колоссальной важности, так как они выражали ни много ни мало сущность Женевской конвенции.

Поначалу Комитет счел, что эти предложения могут лишь поставить под угрозу успех всего предприятия. А если бы члены Комитета знали, а они это узнали позднее, что к тому времени многие публицисты уже неоднократно, но тщетно призывали к заключению соглашения такого рода, — то лишь уверились бы в своей правоте. Тем не менее все обернулось гораздо лучше, чем они смели надеяться, и им ничего не оставалось, как рукоплескать безрассудности своего Секретаря, когда успех Конференции был налицо.

Взгляды Муанье не всегда совпадали со взглядами Дюнана, но лояльность всегда была одной из черт его характера.

Октябрьская Конференция 1863 г. закончилась принятием резолюций и рекомендаций. Почти в каждой стране Европы небольшие группы энтузиастов начали создавать комитеты помощи раненым, которые позднее стали называться обществами Красного Креста. Однако кто должен был выполнять рекомендации Конференции? Кто мог бы своими действиями заставить государства, связанные международным соглашением, согласиться предоставить медицинскому персоналу этот новый статус нейтральности?

И снова Международный Комитет почувствовал, что именно он должен действовать. В интересах дела я не стану на этот раз рассказывать о всех переговорах и различных ухищрениях, к которым прибегал Комитет. Достаточно сказать, что Федеральный Совет Швейцарии дал свое согласие на созыв новой конференции — теперь уже дипломатической, провести которую планировалось в Женеве в августе 1864 г. Однако его роль будет сводиться к следующему: «Вы хотите созвать конференцию, — было заявлено Международному Комитету, — созывайте, но занимайтесь всем сами». Единственное, что президент

Конфедерации сделал лично,— приехал в Женеву и заказал меню для официального обеда!

Предоставленный самому себе, Комитет начал с организационных вопросов. Он получил в свое распоряжение комнату в городском совете, которая позднее была названа «Алабама». Но этого было недостаточно. Полномочные представители, которые соберутся в Женеве, должны также иметь поле деятельности.

Муанье и Дюфур принялись за дело. Они с чрезвычайной тщательностью разработали проект конвенции. Вот теперь все было готово.

Дипломатическая конференция открылась 8 августа 1864 г. На ней в своей обычной авторитетной, но добродушной манере председательствовал генерал Дюфур. Муанье находился там в качестве представителя Швейцарии. Заранее подготовленный Комитетом текст был настолько хорошо продуман, что Конференция рассматривала его статью за статьей, почти не внося каких-либо изменений, и через пятнадцать дней, 22 августа, Женевская «Конвенция об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны» была подписана. Делегаты двенадцати государств по очереди подходили к столу, на котором лежал драгоценный документ. Они ставили свою подпись и прикладывали печать. Некоторые стояли в нерешительности, как, например, делегат Великобритании, заявивший, что не может подписать документ, так как у него с собой нет печати. «У вас нет печати,— ответил генерал Дюфур,— вот вам печать!» И, вынув из кармана перочинный ножик, он срезал пуговицу с кителя дипломата со словами: «Вот — герб Ее Величества!» Дипломату ничего не оставалось, как приложить эту печать.

Ну, что же, теперь давайте почитаем эту Конвенцию. Да, на этот раз текст ясен, и, я полагаю, вам он покажется более понятным, чем если бы я прочитал его раньше. Вот первые три статьи:

Статья I. — Походные лазареты и военные госпитали будут признаваться нейтральными, и на этом основании почитаться неприкосновенными и пользоваться покровительством воюющих сторон во все время, пока в них будут находиться больные и раненые.
(...)

Статья II. — Право нейтральности будет распространяться на личный состав госпиталей и походных лазаретов, включая части интендантскую, врачебную, административную и перевозочную для раненых,

а также включая священнослужителей, когда он будет в действии и пока будут оставаться раненые, коих требуется подобрать или оказать им помощь.

Статья III. — Поименованным в предыдущей статье лицам будет дозволено, и по занятии места неприятелем, продолжать исполнение своих обязанностей в госпитале или в лазарете, при котором они состоят, или же удалиться, чтобы присоединиться к корпусу, к которому они принадлежат.

(...)

Это замечательно! Вот положение, которое позволяет военным хирургам и братьям милосердия более не покидать раненых. Это — сердце и душа Конвенции.

Вы, несомненно, помните ситуацию, с которой Дюнану пришлось столкнуться, когда население Кастильоне по ошибке решило, что австрийские войска снова наступают и раненые французы были немедленно выброшены на улицу. Благоразумие подсказывало жителям искать расположения нового победителя. Теперь такая ситуация уже не могла бы повториться. Статья 5 Конвенции определяет, что:

Статья V. — Местные жители, подающие помощь раненым, будут пользоваться неприкосновенностью и оставаться свободными.

(...)

Каждый раненый, принятый и пользующийся уходом в каком-либо доме, будет служить охраною этому дому. Местный житель, принявший у себя раненых, будет освобождаться от воинского постоя, а также от некоторой части налагаемых военных контрибуций.

Как мы видели, Дюнан особо подчеркивал тот факт, что помощь австрийским раненым французской армией представлялась наравне со своими. Это правило всегда соблюдалось армиями, для которых не проводить различия между своими и чужими ранеными было вопросом чести. Не без некоторых колебаний со стороны делегатов этот обычай был закреплен в Конвенции, в статье 6, которая звучит следующим образом:

Статья VI. — Раненые или больные военные чины будут приниматься и пользуемы без различия, к какой бы нации они ни принадлежали.

(...)

Во многих своих работах Муанье не раз особо подчеркнет тот факт, что это явилось всего лишь простым закреплением давно установившегося обычая. Но данная статья не всегда

встречала одобрение. Некоторые специалисты по международному праву пытались усматривать в ней своего рода оскорбление вооруженным силам, и первая Международная конференция Красного Креста, проходившая в Париже в 1867 г., серьезно рассматривала возможность исключения этого положения из следующей редакции Конвенции.

Статья 7 Конвенции посвящена эмблеме.

Статья VII. — Для госпиталей и походных лазаретов и при очищении таковых будет принят особый, для всех одинаковый, флаг. Он должен, во всех случаях, быть постановлен вместе с флагом национальным.

Равным образом для лиц, состоящих под защитой нейтралитета, будет допущено употребление особого знака на рукаве; но выдача оного будет предоставлена военному начальству.

Флаг и знак на рукаве будут белые с изображением красного креста.

Для чего же медицинскому персоналу всех армий следует носить один и тот же знак? Причина простая. Для того, чтобы каждый солдат мог видеть, какие люди, транспорты и сооружения пользуются статусом нейтральности. Вплоть до 1864 г. различные европейские армии обозначали свои лазареты самыми разнообразными знаками. Франция использовала красный флаг, Австрия — желтый. Этому отсутствию единообразия теперь был положен конец, и санитарные службы противников теперь будут обозначаться одним знаком. А разве все они не являются друзьями человека?

Такова, дамы и господа, Первая Женевская конвенция. Но давайте спросим себя: как она встретит страшные и грубые удары войны? Ну, здесь вы можете быть спокойны. История на нашей стороне, работает на нас и в будущем также будет демонстрировать достоинства Женевской конвенции, равно как и Женевских конвенций Красного Креста.

Первым конфликтом, в котором Женевской конвенции суждено было сыграть свою роль, стала война между Пруссией и Австрией. Давайте посмотрим, насколько воюющие стороны были подготовлены к 15 июня 1866 г. — началу военных действий.

Начнем с Пруссии. В этой стране было основано общество помощи, которое развивалось очень быстро и замечательным образом. Оно включало в себя целых 120 отделений и собиралось предоставить армии 1000 докторов и санитаров. Оно в изобилии располагало оборудованием и даже медицинскими

эшелонами. Общество было признано военными властями, которые понимали, насколько ценную помощь оно может оказать. Один старший офицер должен был отвечать за связь между военно-медицинской службой и обществом. Таким образом, помощь со стороны частных лиц могла быть оказана тогда и там, когда и где это было необходимо.

Пруссия подписала и ратифицировала Женевскую конвенцию, и армейские хирурги и санитары уже носили нарукавные повязки с красным крестом; такие же флаги развевались над госпиталями.

В Австрии ситуация была совершенно иной. Не было общества помощи, которое отвечало бы требованиям резолюций 1863 г. Несмотря на настойчивые усилия Международного Комитета, Австрия не подписала Женевскую конвенцию.

Контраст налицо. А теперь посмотрим, как он проявился на практике. Если у вас есть сомнения в отношении Красного Креста, если у вас есть сомнения в отношении Конвенции, тогда послушайте.

Военно-медицинская служба Пруссии имела удивительно эффективную организацию, на которую можно было опереться. Часто добровольные помощники первыми прибывали на поле боя. Прусское общество Красного Креста увеличило количество лазаретов, развернуло госпитали и занималось транспортировкой раненых. Оно успевало повсюду и было готово ко всему. В Австрии война способствовала возникновению множества благотворительных комитетов, но они были плохо подготовлены, не имели связи между собой и с армией. Их грузы терялись или приходили слишком поздно, или туда, где они были не нужны. Вот разница между страной, имеющей общество помощи, и страной, не имеющей такового.

Но давайте посмотрим, что с Конвенцией. Пруссия применяла ее в одностороннем порядке, а Австрия вела себя так же, как воюющие державы в прошлых войнах. У нее было на то право — никто никоим образом и не обязывал Австрию подписывать Конвенцию. Армия строго придерживалась установленного обычая. Какова же разница? Ответ: колоссальная. Как при Лангензальце, так и при Садовой, Пруссия побеждала, а австрийцы отступали. Какой же приказ получил медицинский персонал отступающих армий? Мы уже знаем: хирурги и санитары должны были покинуть раненых и отступить. В ходе наступления прусские войска встречали на своем пути

лазареты, полевые госпитали и перевязочные пункты с оставленными в них ранеными. Естественно, прусский медицинский персонал оказывал им помощь, но спустя сколько времени? Приведу конкретный пример. Через пять дней после битвы при Садовой добровольцы прусского общества шли лесом. Выйдя на поляну, они обнаружили оставленный австрийцами перевязочный пункт. Триста раненых еще были живы, остальные восемьсот умерли — умерли, потому что некому было им помочь.

Это именно то, чего могло бы не произойти, если бы Австрия применяла Женевскую конвенцию. В этом случае хирурги и санитары были бы оставлены на перевязочном пункте и оказание помощи раненым не прекращалось бы ни на минуту. Случись это, и австрийская армия ничего бы не потеряла, так как ее хирурги и санитары были бы возвращены и сотни человеческих жизней оказались бы спасены. Факты так красноречиво говорят сами за себя, что еще до окончания этой недолгой войны Австрия сообщила Федеральному Совету Швейцарии о своем присоединении к Женевской конвенции.

Действенность Конвенции была доказана. Но была также доказана и возможность кодификации правил ведения войны. Да, оказалось, что даже среди ружейного лязга закон может действовать на благо человечества. Этот урок не был забыт. Женевская конвенция стала родоначальницей целой семьи. В 1899, в 1906, в 1929 и, наконец, в 1949 гг. были разработаны новые, еще более подробные конвенции с целью защиты раненых и потерпевших кораблекрушение моряков, военнопленных, гражданских лиц и даже жертв внутренних конфликтов.

В 1870 г. во время франко-прусской войны несколько французских хирургов и санитаров были захвачены прусской армией, но отпущены и возвратились на родину. Когда они пересекли границу и оказались на территории Франции, они воскликнули: «Да здравствует Женевская конвенция и ее авторы!» На этой ноте, дамы и господа, я бы и хотел закончить, потому что вся история войн, происходивших после 1864 г., заставляет нас повторить:

«Да здравствует Женевская конвенция, да здравствуют ее авторы!»